

Как и ожидали собравшиеся, в деревянных ящиках действительно оказался фарфор. Под неторопливыми руками стражников крышка медленно скользнула в сторону, и сокрытые в глубине сокровища предстали перед присутствующими.

Первый же взгляд улавливал лишь мягкое, глубокое сияние чистейшей бирюзы, и лишь мгновение спустя гости понимали, что перед ними лежит великолепный чайный гарнитур.

Синева и белизна переплетались в изысканном узоре; безупречно ровная глазурь отражала свет, словно впитав в себя саму природу, запечатлённую на тонком теле сосудов.

Изящная подглазурная кобальтовая роспись с переплетениями лotosовых стеблей покрывала чаши лишь наполовину, оставляя свободное пространство, где распускались цветы, колыхались широкие листья и резвились золотые карпы, связывая композицию воедино. Каждая пиала сама по себе казалась шедевром, но истинное изумление вызывало другое: если расставить чаши по порядку, они складывались в единое живописное полотно, изображающее смену четырёх времён года.

Лишь одного мимолётного взгляда хватало, чтобы лишиться дара речи и навсегда отдать этой красоте своё сердце. Когда же узор раскрылся во всём великолепии, собравшиеся онемели от восторга, полностью заворожённые чистым, глубоким цветом небесной лазури.

Проводник Ху, повидавший немало диковинок и в Срединной Империи, и за океаном, невольно вытянул шею, напрочь позабыв о сдержанности, коей требовало его благородное происхождение.

Стоявшие в первом ряду купцы затаили дыхание — им казалось, будто даже неосторожный вздох может разрушить эту неземную хрупкость. Фарфор был тонок, почти невесом; казалось, стоит взять его в руки, и он расколется от малейшего усилия.

Но... неужели это действительно фарфор?

Та самая грубая глина, которую они привыкли видеть повсеместно?

Торговцы недоуменно переглядывались. Как, во имя всех богов, можно было сотворить подобное чудо?

Предыдущие изделия, сокрытые в шкатулках, ещё укладывались в рамки привычного: те были добротными, увесистыми и вместе с тем изящными — идеальные безделушки для коллекционеров, которые при должном усердии и завидном богатстве всё же можно отыскать на рынках столицы.

Но то, что лежало в этом ящике... Разве это фарфор?! Невероятно!

Стенки чаш казались почти прозрачными, кобальт лёг безукоризненно ровно, а глазурь после обжига обрела мягкое, тёплое сияние благородного нефрита. Но главным венцом мастерства оставались пейзажи четырёх времён года — живые, изменчивые, неповторимые на каждой пиале.

Огромным усилием воли Ху Чжэн отвёл взгляд от сокровища и посмотрел на Цзян Умянь. Тот восседал в просторном кресле с глубокими подлокотниками, сохраняя всё тот же безучастный, сонный вид. Неужели и это невероятное чудо — дело рук судьи Цзяна?

Цзян Умянь едва заметно кивнул. Те осторожно извлекли хрупкий гарнитур из ящика и расставили его на столе. Теперь, лишившись деревянной преграды, изделия предстали во всём своём ослепительном великолепии.

Ху Чжэн ошеломлённо замер. Стоявший рядом проводник Ло не сдержал потрясённого выдоха:

— Да они же светятся насквозь!

Оказалось, слова о прозрачности этого фарфора были вовсе не поэтическим преувеличением, а самой что ни на есть чистой правдой!

В тишине зала торговцы ещё несколько долгих мгновений заворожённо разглядывали чудо, пока наконец кто-то из них не выдавил горькую, растерянную улыбку:

— Господин Цзян, скажите прямо... к чему всё это великолепие?

Если бы они и сейчас не уловили скрытый смысл происходящего, то грош им была бы цена как купцам — с такой глупостью они бы растеряли все свои караваны в первом же походе.

Всякая деталь — от обещания удешевить пряжу на треть до неожиданных фарфоровых подарков и сегодняшнего представления — явно указывала на то, что уезд Шаоюань замышляет нечто грандиозное. А глядя на кипящую у берега стройку, несложно было догадаться: судья Цзян твёрдо вознамерился проложить новые торговые пути по морю.

Зачем иначе закладывать верфь и выписывать лучших корабелов из самой префектуры Сунцзян?

Но вот чего они никак не могли взять в толк — зачем судье Цзяну понадобилось идти столь кружным путём? Зачем дарить им фарфор, показывать драгоценный сервиз? Что у него на уме и чего он ждёт от купеческих гильдий?

Цзян Умянь не стал больше испытывать их терпение. Сделав знак слугам, он велел подать чай, чтобы вести дальнейшую беседу в более непринуждённой обстановке.

Когда перед купцами с негромким стуком опустились чашки из отличного бело-голубого фарфора — пусть они и уступали выставочному шедевру, но всё же стоили немалых денег, — у многих от неосторожного движения слуг тревожно ёкнуло сердце.

Пусть эта утварь не была верхом совершенства, но за каждую такую чашу высшего сорта столичные богачи с радостью выложили бы сотню лянов серебра. Видеть, как столь ценные вещи обыденно расставляют перед ними, было почти физически больно для бережливых торговцев.

Некоторые же, подобно Ху Чжэну, уже вовсю размышляли над истинными намерениями уездной управы.

Гостей в зале собралось немало, и если уездный судья смог без труда выставить перед каждым по чаше тончайшего фарфора, не говорило ли это о том, что производство такого товара уже поставлено на поток?

Выдержав паузу и дав гостям время опомниться, Цзян Умянь заговорил — неторопливо, веско:

— Я пригласил вас сегодня, чтобы обсудить дела нашего уезда, а именно — обустройство причала и возобновление морской торговли. С позволения достопочтенного префекта Се часть портовой зоны будет передана вашим торговым домам под лавки и склады. Вы можете выбрать любое из свободных мест на строящемся причале. Решением уездной и префектурной управ вас полностью освободят от арендной платы сроком на три года. Единственное условие — эти площади запрещено перепродавать или сдавать в субаренду.

Цзян Умянь сделал знак писцам, и те раздали присутствующим плотные листы бумаги. Все условия сделки были изложены там простым, доходчивым языком, а в самом конце красовался уже знакомый многим бланк прошения.

Торговцы недоумённо переглядывались, вчитываясь в строки. Что это за щедрость? Выделить им лучшие места в порту под лавки, да ещё и освободить от платы на целых три года?

Что за игру затеял судья Цзян?

Не сиди перед ними уездный судья, они, верно, расхохотались бы от недоверия.

Торговые пошлины в Великой Чжоу были столь высоки, что купцы, вечно прозябавшие на низших ступенях сословной лестницы, вынуждены были отдавать казне едва ли не половину нажитого. Даже наличие могущественного покровителя при дворе не гарантировало безопасности — нынешний император то и дело натравливал на вельмож Парчовых стражей, которые безжалостно пускали по миру целые кланы.

Поэтому в делах с чиновниками купцы всегда проявляли крайнюю осторожность — по крайней

мере, старались казаться тихими и послушными.

Но Шаоюань... Шаоюань решительно плевал на вековые устои!

Освобождение от аренды на три года? За этим наверняка крылась какая-то ловушка.

Главы караванов порывались засыпать судью расспросами, однако Цзян Умянь жестом велел им сначала дочитать условия соглашения.

В душе у каждого зашевелилось нехорошее предчувствие. И действительно, первые же пункты договора оказались для них ушатом ледяной воды.

Самым первым требованием значилось получение **разрешения на определённый вид деятельности**, строго ограничивающего торговлю. К примеру, если взять Павильон Пьяной Зари, совмещавший в себе трактир и постоялый двор, то в порту ему позволялось лишь подавать кушанья и предоставлять комнаты для ночлега. Заниматься там иным ремеслом или сделками строго запрещалось.

На фоне этого новшества остальные ограничения казались вполне сносными — пожалуй, первое условие сразу испытало их долготерпение на прочность.

Но если аренда бесплатная, как сам Шаоюань планировал извлекать выгоду?

Стоило перевернуть страницу, как всё прояснилось: ежегодный сбор на содержание причала, плата за уборку мусора, пошлина за проезд перегруженных повозками дорог... Множество мелких, на первый взгляд, статей расходов в итоге складывались в весьма круглую сумму.

На словах аренда выходила даровой, на деле же сопутствующих расходов хватало с избытком. Каждому, кто пожелает открыть лавку у причала, придётся подчиниться строжайшим правилам и оплачивать каждую услугу до единого медяка.

Это наглядно подтверждало известную житейскую мудрость: бесплатное обходится дороже всего.

О сокрытии прибыли и контрабанде при подобном надзоре можно было забыть раз и навсегда. Доходы купцов урезались со всех сторон, а взамен они получали лишь сомнительную поблажку в виде отсутствия арендной платы, тогда как государственные налоги по-прежнему надлежало платить в полном объёме. Где же тут выгода?

И даже приписка о том, что Шаоюань обещает в первую очередь поставлять свои товары портовым лавкам, мало кого воодушевляла. Обязательство это было весьма расплывчатым — уездная управа могла в любой момент найти благовидный предлог, чтобы обойти его и торговать напрямую.

Разумеется, представленный фарфор был невероятно хорош, а возможность его массового производства открывала блестящие перспективы, однако никто не желал добровольно влезать в кабалу и нести убытки.

Собравшиеся купцы собаку съели на делах с чиновниками, а у многих родственники и сами занимали государственные посты, так что скрытые уловки они видели насквозь.

На первых порах это казалось выгодным, но со временем сделка грозила обернуться чистым разорением.

Куда проще и безопаснее было торговать по старинке — снаряжать сухопутные караваны напрямик в уезд, избегая портовых сборов и хлопот, связанных с морскими перевозками.

Цзян Умянь словно и не заметил, как угасло всеобщее воодушевление. Убедившись, что большинство купцов дочитали до конца, он велел убрать со стола селадон и пригласить советника Чжана. Тот вошёл в зал, бережно держа в руках огромный свиток размером с добрый письменный стол.

Стражники раскатали свиток и закрепили его на стене. Перед присутствующими предстал план обустройства портовой зоны — вернее, упрощённый набросок будущего причала, лишённый сухих расчётов и призванный лишь наглядно показать величие замысла.

Чжан Жун жестом велел раздать гостям схемы участков:

— Господа, перед вами на стене — окончательный план причала Шаоюаня. На листах, что вы держите в руках, отмечены места, отведённые для обустройства лавок приезжими купцами.

Кончиком указки он очертил область чуть левее центральной оси, обозначая границы доступных земель.

— Добираясь сюда, вы наверняка заметили общие очертания причала, — заговорил Чжан Жун. — Торговые корабли будут швартоваться в этой заводи. Если вам понадобится везти товары в город, вы сможете воспользоваться удобной дорогой. Для пополнения запасов провизии и пресной воды предусмотрен путь, ведущий напрямик к портовому рынку. Сам рынок разделится на три зоны: рыбные ряды, лавки с припасами и выставочные павильоны, где будет представлена уездная продукция.

А вот здесь расположится верфь. Любое судно сможет встать сюда на ремонт и обслуживание. К слову, в Шаоюане уже открыли школу для местных плотников, так что в скором времени вы сможете лично оценить непревзойдённое мастерство умельцев с верфи Чжэньбао!

Едва прозвучало упоминание верфи Чжэньбао, как приунывшие было купцы вновь встрепенулись. Выходит, уезд и впрямь сумел переманить к себе этих легендарных умельцев!

В морском деле нет ничего страшнее течи. Поломайся у сухопутного торговца повозка — он всегда может остановиться у обочины дороги и починить её. Но как быть в море, где до самого горизонта нет ничего, кроме бушующих волн?

Тщательный осмотр судна перед выходом в плавание — вопрос жизни и смерти, и доверить его опытному корабелу означает спасти жизни всей команде.

Мастера с верфи Чжэньао славились умением творить настоящие чудеса, да только простым купцам пробиться к ним было почти невозможно из-за бесконечных очередей.

Но небо милостиво: на знаменитой верфи затеяли перемены, и Шаоюань приютил у себя её лучших умельцев. А раз так, не смогут ли купцы переманить этих плотников к себе в караваны за щедрое вознаграждение?

В головах гостей роились сотни корыстных планов, однако лица их оставались непроницаемыми.

Заметив это, Чжан Жун лишь мысленно усмехнулся.

«Сманивайте, сманивайте, коли духу хватит! Поглядим, у кого из вас это получится».

Всякому здравомыслящему человеку было ясно: раз уж Шаоюань — этот захолустный уезд с едва заложенным причалом — сумел привлечь к себе столь именитых мастеров, у судьи Цзяна непременно имелись весомые козыри.

Переманить их удалось лишь потому, что уездная управа предоставила чертежи совершенно новых типов судов и поделилась уникальными приёмами кораблестроения, отличными от тех, что использовались в префектуре Сунцзян.

Конечно, у крупных торговых домов тоже водились свои тайны, но едва ли они решились бы открыть их властям.

Советник Чжан продолжил знакомить гостей с возможностями порта:

— С начала зимы у нашего причала ежедневно швартуется около сотни судов. К следующему году, когда работы полностью завершатся, это число возрастет вдвое, так что вы гарантированно не упустите выгоду. И ещё одно: дороги в Шаоюане развиты на зависть соседям. Впрочем, вам, господа, сие ведомо не понаслышке — вы уже успели оценить удобство местных трактов. Позволю себе заявить без ложной скромности: среди всех окрестных земель наши дороги — самые ровные.

Сказано это было даже чересчур скромно.

Повидавшие виды торговцы, исколесившие Великую Чжоу вдоль и поперёк, прекрасно знали: дороги Шаоюаня могли сравниться разве что с императорским трактом, ведущим в самую столицу.

Тем временем стражники принесли ещё один свиток и бережно закрепили его поверх предыдущего, являя присутствующим новую схему.

На плотной бумаге красовалась ****Транспортная карта уезда Шаоюань****, наглядно демонстрирующая значение этих земель как ключевого перекрёстка торговых путей.

— Как вам известно, купцы в Великой Чжоу ведут дела двумя путями, — продолжал Чжан Жун. — Одни караваны полагаются исключительно на морские маршруты, другие же сочетают переходы по воде с сухопутными дорогами. Взгляните сюда. Караваны, следующие исключительно по морю с севера на юг, могут заходить в нашу гавань для пополнения запасов и ремонта судов. Для тех же, кто совмещает сушу и воду, выгода ещё очевиднее. Прибыв в наш уезд по морю, вы разгружаете корабли у причала и сразу отправляете товары по ровным дорогам на север, запад или юго-запад. И напротив: въехав в Шаоюань по суше, ваши обозы без малейших задержек добираются до порта, где груз тут же перемещается в трюмы судов, готовых к отплытию.

Чёткие линии на карте доказывали: Шаоюань действительно связывал воедино морские и сухопутные пути, открывая невероятные удобства для любого дела. Самые хваткие из гостей уже начали лихорадочно изучать чертёж, прикидывая, как свести к минимуму время на разгрузку обозов и снаряжение кораблей.

Атмосфера в зале мгновенно переменилась. Прежний скепсис улетучился без следа, купцы подались вперёд, жадными взглядами ловя каждое движение Чжан Жуна, который с прежней неторопливостью водил указкой по бумаге.

«Да говори же быстрее! Какие ещё есть дороги? Каким путём везти груз, чтобы сберечь время и не разориться на повозках?!» — мысленно торопили они советника.

Цзян Умянь удовлетворённо кивнул про себя, скользнув взглядом по лицам собравшихся.

Что и требовалось доказать. Купцы всегда ищут выгоду. Если прибыль обещает быть высокой, а издержки — низкими, редкий делец устоит перед соблазном.

Теперь он был по меньшей мере на восемь десятков сотых уверен, что его следующее предложение будет принято. Всё зависело лишь от того, насколько решительно настроены главы караванов закрепиться на причале Шаоюаня.